

Айварс Странга

Рига, Латвия

ЛАТЫШИ И ЕВРЕИ: РЕВОЛЮЦИЯ 1905 г.

Хотелось бы привлечь внимание к трем вопросам: первый — роль еврейских революционеров в революции и, главное, отношения с ведущей силой революции — Латышской социал-демократической рабочей партией (ЛСДРП); полное равноправие евреев (эмансипация); антисемитизм и попытки еврейских погромов во время революции. Рассмотрим эти вопросы хронологически, коротко обозначив главные события.

В начале января 1905 г. уже «бурлило» в столице — Санкт-Петербурге. 3 января начал бастовать огромный современный Путиловский завод, однако руководящая и преобладающая тройка ЛСДРП — Я. Озолс (Зарс), А. Бушевиц и Я. Янсон (Браун) 7 января на заседании Центрального комитета в Риге приняли решение не объявлять в Латвии всеобщую забастовку, считая ее преждевременной¹. До Двинска (ныне Даугавпилс) с большим количеством еврейских рабочих и радикальной мелкой буржуазией руководящая рука ЛСДРП не дотягивалась; там тон задавали многочисленные и сильные бундовцы (почти 1000! в 1904 г.²) — возможно, самая активная из организаций Бунда во всей империи, которые в своих действиях были более нетерпимы, чем ЛСДРП (в городе практически не было латышских социал-демократов, а русские социал-демократы обоих направлений, хотя и были активны, но не могли соревноваться с Бундом). Уже 8 января, накануне Кровавого воскресенья в Петербурге, радикалы изменили ситуацию в империи и настроения в ЦК ЛСДРП, и в Двинске произошла широкая демонстрация еврейских рабочих³. 9 января петербургские рабочие пережили кровавую бойню (среди многочисленных расстрелянных было по крайней мере трое живших в Петербурге латышских рабочих, принимавших участие в совершенно мирной и раблепной демонстрации, — Иоганн Вильгельм Андерсон, Отто Эдуард Клиебак и Емельян Лезовский⁴. События и в Латвии пошли по незапланированному пути; ЛСДРП была вынуждена отказаться от декларируемого спокойствия, и 12 января в Риге состоялась всеобщая забастовка солидарности. В Двинске забастовки начались днем ранее — 11 января — и охватили 13 фабрик⁵. Но никто не мог и предполагать, что в Латвии тоже будет своя кровавая бойня — «кровавый четверг» 13 января, когда в Риге было намечено шествие солидарности с петербургскими жертвами. Хотя трагические события тех дней описаны многократно, тем не менее в них имеются неясности и я напомним происшедшее в те несчастные дни.

Одна из самых больших колонн демонстрантов — примерно 10 000 человек, возглавляемая осматрительным Ансисом Бушевицем, двигалась по Большой Московской ул. к центру, в сторону Старой Риги; дойдя до так называемых «красных спикеров»⁶, Бушевиц, не желая столкновений с армией и полицией, дал

команду закончить демонстрацию, а демонстрантам — разойтись; красные флаги были свернуты, что означало окончание демонстрации. Однако большая часть демонстрантов — не менее 6 тыс., если не 8 тыс. — не подчинились, не свернули красные флаги — стоит напомнить, что это было четыре часа пополудни короткого зимнего дня и стало смеркаться, — стали напирать друг на друга, пока не столкнулись с царскими солдатами. Началась пальба, и самое страшное то, что более десятка людей погибли не от пуль, а утонули в Двине (Даугаве), спасаясь от солдат по тонкому льду.

Снова и снова следует спросить: как могла произойти эта бойня и кто в ней виноват?

Новичок Фрицис Мендерс, принимавший участие в демонстрации как русский социал-демократ и член партии большевиков (в 1907 г. он перешел к латышским меньшевикам, став одним из видных их деятелей), тяжкую ответственность возлагает на непослушных бундовцев: именно они не подчинились приказу Бушевица и энергично призывали продолжать шествие, пока не столкнулись с солдатами⁷. По крайней мере два обстоятельства заставляют усомниться в утверждениях Мендерса: во-первых, он сам не был в центре кровавых событий — подчинившись приказу Бушевица, он повернул обратно и присоединился к какому-то социал-демократу на Спасо-Церковной ул. (ныне ул. Езусбазницас). Вторых, абсолютным большинством среди демонстрантов были латыши, хотя были и представители евреев и русских, но маловероятно, что латышское большинство послушалось бы еврейских революционеров — такие отношения не имели места даже в рядах противников царизма — и пошли бы вперед вопреки своей воле. Тем не менее хотелось, точно хотелось, бесшабашным и охваченным воодушевлением; меньшинство, вероятно, именно меньшинство пришло не с пустыми руками, а с оружием.

На закате короткого зимнего дня к пяти часам пополудни у Железного моста путь демонстрантам преградила учебная рота Рижского унтер-офицерского батальона под командованием капитана Иорданского и солдаты 115-го Вязьминского полка. Демонстрантам было велено разойтись, что не было сделано, и сегодня трудно сказать, кто начал первым: или возбужденные демонстранты начали бросать вызов солдатам и полицейским, кидая в них камни, а может быть, и стреляя — один офицер и восемь солдат были ранены, двое из них — тяжело, один умер уже 14 января, другой — позднее; был убит также пристав К. Билев⁸ — или первыми начали солдаты. В стремительно наступавшей темноте у моста, виадука, ул. Карловской (ныне 13 Января), Почтовой (ныне присоединена к ул. 13 Января) и Соборной (ныне Минстерияс) царил полный хаос: по первоначальному армейским сводкам, 22 демонстранта были убиты и 50 ранены, тайная полиция через пару дней количество убитых увеличила до 30 (двое из них студенты политехнического института), а число раненых — до 55—60, из которых 27 были студенты, что указывало на их активность и бесшабашность при движении на солдатские цепи⁹ (в современной академической литературе количество жертв среди демонстрантов больше — 70 убитых, более 200 раненых и несчетное количество утонувших¹⁰). Такая большая разница между данными царской армии и полиции и данными революционеров представляется несколько подозрительной. Но, вспоминая записки Ф. Мендерса, следует спросить себя: сколько было жертв среди евреев и сколько из них были бундовцами? Убиты были 5 евреев, а 9 были ранены и доставлены в 1-ю городскую больницу. Количество погибших среди ев-

реев было невелико, и их доля зависит от общего количества погибших: если рассматривать только 30, по данным тайной полиции, то удельный вес убитых евреев велик, если учитывать 200 — то незначителен. Погибли Михель Давид Абрамович 22 лет (скончался от ранений 14 января), Элиас Эпштейн 22 лет, Израиль Ящиков 17 лет, Хаим Янкель Шперлинг 18 лет, Михаил Уцца 22 лет; бундовцами были только двое — Абрамович (знаменательно, что он переехал в Ригу из Виленской губернии — родины Бунда и где Бунд был очень влиятелен) и Эпштейн¹¹. Таким образом, мало верится в описанные Мендерсом сильное влияние и особую роль бундовцев в провоцировании столкновения. Во время революции бундовцы и другие революционно настроенные евреи действовали активно — как сами по себе, так и в союзе с ЛСДРП: Абрам Браун руководил террористической деятельностью бундовцев¹².

Более активным и влиятельным был Бунд в Двинске, где по крайней мере два раза — 17—18 февраля и в декабре удалось организовать фактически всеобщую забастовку (серьезные волнения были и 15 октября). Во время революции сильные организации возникли в Туккуме (ныне Тукумс) (200 бундовцев), Виндаве (Вентспилс), Якобштадте (Екабпилс). Наиболее колоритной забастовкой в Риге можно назвать забастовку в мае—июне, организованную торговцами кошерным мясом¹³, которая почти на месяц оставила большую рижскую общину (более точно — ту часть общины, которая потребляла кошерное мясо, и эта часть была большой, поскольку почти 100 % евреев соблюдали религиозные предписания) без мяса. В то же время, когда в 1905 году забастовка сельскохозяйственных рабочих в Курляндии переросла во всеобщую и царизм ответил на нее объявлением военного положения в Курляндской губернии 6 (19) августа, студенты еврей Рижского политехнического института 16 сентября организовали широкий митинг в поддержку бастующих и активно протестовали против военного террора в Курляндии¹⁴. Наиважнейшим примером сотрудничества латышских и еврейских революционеров является тщательно разработанное нападение на рижскую Центральную тюрьму в 2 часа ночи с 6 на 7 сентября. В нем участвовали, возможно, 52 боевика, из которых абсолютное большинство — 47 — были латыши, а по заданию Бунда участвовали также боевики этой организации: известны Носон Кремер, Израиль Грубов, Иосиф Пеклер, Целель Маркус. Несмотря на то, что удалось освободить только двоих заключенных — Я. Лациса и Я. Шлессера, смелое нападение заметно подняло революционный дух не только в Риге¹⁵. Один из еврейских боевиков — Иосиф Пеклер был типичным бундовцем. Типичным он был потому, что в Ригу приехал из Полоцка искать работу, привезя с собой популярные в Литве и Белоруссии идеи Бунда¹⁶. Еврейская миграция в Ригу — крупнейший индустриальный центр середины XIX в. не только увеличила численность евреев, но и изменила социальный портрет еврея, внося в него выраженные черты пролетария и мелкого буржуа. Для ЛСДРП и Бунда были характерны не только сотрудничество, но и нередкие политические столкновения, причиной которых был бундовский радикализм. Серьезная стычка произошла в декабре 1905 г., и, если бы она не была мирно разрешена латышскими социал-демократами, последствия могли бы быть трагическими.

В декабре 1905 г. революция на территории Латвии была на спаде, но именно в это время, 9 декабря, в Москве началось вооруженное восстание. Часть латышских социал-демократов — меньшинство, но активное, — местные русские социал-демократы (особенно военная организация РСДРП под руководством

Н. А. Атабекова) и бундовцы потеряли терпение и энергично занялись подготовкой восстания в Риге и нападением на тюрьму в Двинске, где были сосредоточены лояльные правительству войска. Такое выступление не дало бы ничего, кроме ненужного кровопролития, так как надежд на удачу не было никаких. Судьбоносными и судорожными днями раздора были дни с 11 по 16 декабря: сначала Бунд перешел на сторону русских социал-демократов, обвиняя ЛСДРП в воздержании и желании избежать бойни; положение было очень драматичным, тем не менее руководству ЛСДРП 16 декабря удалось убедить Бунд воздержаться от вооруженного восстания и всеобщей забастовки¹⁷. Это была победа рассудка, но одновременно и откат революции, по крайней мере в городах. (18 декабря в Ригу прибыл временный прибалтийский генерал-губернатор генерал-лейтенант В. Сологуб, и близился большой террор царского воездтия.)

Второй вопрос, о котором я писал выше, — это отношение общества к полному равноправию (эмансипации) евреев во время революции. Об этом трудно судить однозначно, поскольку во всех социальных и этнических группах отношение не было равнозначным и поддержка или оппозиция еврейской эмансипации была разной в пределах даже одной группы. Тем не менее представляется, что поддержка в латышском обществе была сильной и широкой и включала представителей различных политических взглядов. Например, как только 3 марта 1905 г. царь разрешил подавать петиции (одна из первых и небольших уступок царя), как весной 1905 года Либавская (лиепайская) дума вручила петицию кабинету министров в Петербурге с призывом расширить избирательные права граждан и наделить полным правом голоса евреев. ЛСДРП, которая в действительности была массовой партией, на своем II съезде в июне 1905 г. приняла партийную программу, в которой четыре пункта были посвящены национальному вопросу: партия однозначно требовала равноправия всех граждан независимо от пола, вероисповедания и национальности¹⁸. Принимая во внимание, что ЛСДРП представляла интересы широких слоев и обладала широким доверием латышей, можно утверждать, что мнение партии по национальному вопросу разделяли не только ее члены, число которых было велико, но и, возможно, большинство латышского населения. Выдающийся латышский общественный деятель и один из латышских буржуазных лидеров, руководитель Латышской демократической партии и редактор газеты *“Baltijas Vēstnesis”* («Прибалтийский вестник») Арвед Бергс призывал к гражданскому содружеству латышей и евреев и требовал полного равноправия и отмены всех ограничений для евреев. На другой стороне баррикад была антисемитская *“Rīgas Avīze”* («Рижская газета») реакционера Фрица Вейнберга, в издании которой определенной роль играл и Николай Пуриньш, известный своими антисемитскими высказываниями и наряду с русскими черносотенцами рассматривавший евреев как сокрушителей царской России и страшных врагов.

Третий вопрос, к которому хочу привлечь внимание, — это вопрос, были ли в Латвии еврейские погромы. В России второй погром после массового погрома 1881—1882 гг. начался в 1903 г. в Кишиневе и повлек за собой более 40 убитых и почти полтысячи раненых евреев. Новая волна погромов поднялась в 1905 г., особенно осенью. В 1905—1906 гг. произошли самые кровавые погромы, особенно на Украине: более 3000 евреев были убиты в короткое время с 18 октября 1905 г. (большой погром в Киеве) по январь 1906 г. Только в Одессе лишились жизни 800 евреев. 5000 были ранены по всей России за эти три месяца. Латвия

была и оставалась даже в бурном 1905 г. в общем мирной заводью для евреев. Но начиная с 1903 г. бундовцы призывали признавать погромом, а позднее к ним присоединились и другие революционеры, любую стычку между евреями и не-евреями, а также нападение на евреев, если оно было организовано царской полицией или органами власти. Первым случаем распространения понятия «погром» были события в Двинске 23 августа 1903 г. По версии Бунда, в этот день полицейские Ерёмов и Леман организовали собрание, где были и другие полицейские, переодетые в простых граждан, и стали избивать евреев. Как бы малый Кишинев — меньше, но сравнимый с трагедией Кишинева¹⁹. Почти все сказанное бундовцами было большим преувеличением. Ни один еврей 23 августа во время хулиганских на них нападений не был убит или серьезно ранен, сравнение с кишиневским погромом была в известной степени кощунственным по отношению к его жертвам (то, что евреи серьезно не пострадали, было заслугой и самих бундовцев — после кишиневского погрома в Двинске был организован отряд самообороны). Описанная бундовцами роль полицейских в организации «погрома» также была неправдоподобна, как и другие утверждения, что полиция организовала нападение на евреев, поскольку не могла ответить на вопрос: а зачем полиции это было нужно? Почему учреждение, отвечающее за порядок, само организует беспорядки? То, что среди полицейских также были антисемиты, вряд ли подвергается сомнению, как, впрочем, и то, что многие евреи-революционеры не способствовали дружбе полицейских и евреев; но почему полицейским было необходимо всегда и везде организовывать или вдохновлять хулиганские действия против евреев или даже погромы? На мой взгляд, ответа на этот вопрос нет даже и сегодня, и утверждения двинских бундовцев о роли полицейских 23 августа 1903 г. в организации хулиганских действий звучат неубедительно.

В 1905 г. на территории Латвии было много нападений на еврейские магазины и лавки, например в Люцинском уезде, что не являлось погромами; было много слухов в Двинске начиная с апреля, что будут погромы, но там они также не случились, и в Риге тоже — здесь были только мелкие инциденты на улицах. Что-то серьезное начало назреть в Риге в августе, когда к нападению на евреев стали готовиться портовые рабочие, что противоречило традиционным утверждениям социал-демократов и левых публицистов, что на евреев нападают только «реакционеры»; нападение было предотвращено казаками и полицией — несмотря на то, что обычно, по утверждению левых, казаки и полиция всегда были провокаторами или исполнителями нападений²⁰. Но наступил октябрь, и 17 октября выходит царский Манифест, который — в то время так казалось — был вестью тяжелого и неотвратимого поражения царизма; политические свободы обсуждали все: и революционеры, и противники свобод. Уже 18 октября в Киве начался большой погром. Вряд ли кто сознательно готовил погром в Риге, но настроения, особенно в Московском форштадте, где проживало большое количество монархически настроенных русских рабочих и мелких буржуа, становились напряженными, русские видели в уступках царизма происки евреев. 22—23 октября в Московском форштадте начались крупные беспорядки, которые можно назвать попыткой погрома. Тотчас по горячим следам ЛСДРП и Бунд в специальной листовке от имени Федеративного комитета 24 октября дали следующую оценку происходящему: царская полиция образовала толпу, которая напала на евреев, особенно на Ярославской ул.; в результате нападения погибли 7 человек и ранены 28. Примечательно, что, называя происходящие события погромом, бун-

довцы все же не упоминали о том, сколько было убитых или раненых среди евреев. Это следует особо отметить, поскольку утверждения бундовцев об организации властью погромов были традиционными для Бунда. Теперь к таким утверждениям присоединилась и ЛСДРП²¹. К данной интерпретации событий, изложенной в листовке, позднее присоединились и социал-демократы²², и коммунисты²³, при этом они обвиняли русских «черносотенцев», хотя понятие «черная сотня» в октябре 1905 г. и употреблялось в латышской буржуазной прессе, но было лишь синонимом реакции или антисемитизма, поскольку в России ни политически, ни организационно не были сформированы силы и организации, которые получили это название. Первые появились только осенью 1906 г. В правовом смысле понятие «черная сотня» в рижских событиях не имеет оснований. В свою очередь царская тайная полиция после событий в Московском форштадте обвинила евреев в том, что они неуважительно отнеслись к организованной монархистами и старообрядцами демонстрации и напали на нее, спровоцировав беспорядки²⁴. Таков мог быть ход тех событий при рассмотрении без партийных установок.

Хотя стихийные столкновения между русскими рабочими с фабрики Кузнецова, с одной стороны, и латышами и евреями — с другой произошли уже в субботу 22 октября на Большой Горной ул. (ныне Лиела Кална) вблизи православной церкви Святого Иоанна (а также на Ярославской и Динабургской ул.), эти столкновения нельзя назвать погромом или его попыткой. Скорее всего, это было никем не подготовленное и не спровоцированное столкновение, возникшее на месте, источником которого была неприязнь монархически настроенных русских рабочих к группе латышей и евреев, собравшихся недалеко от церкви (возможно, что евреи были в меньшинстве — в конце концов эта была суббота, и это заметили даже радикальные антимонархически настроенные евреи; это была политически мотивированная стычка между русскими и латышами. «Когда русские дерутся с латышами и обвиняют последних в дружбе с революционными партиями», стычка бывает кровавой²⁵. У обеих сторон не было симпатий по отношению друг к другу, и поначалу стороны обменивались оскорбительными замечаниями, а затем перешли к физическому воздействию и драке, которую прекратили только появившиеся казаки. Национальный мотив играл определенную роль, но не единственную и не решающую. Присутствие латышей ясно говорило о том, что это была стычка между русскими Московского форштадта — приверженцами царизма и латышами и евреями, которые стали смелее после царского Манифеста 17 октября и начали открыто выражать антимонархические настроения. Известия о событиях, может быть, и преувеличенные, дошли до ЛСДРП и Бунда уже в тот же день, и латышские, и бундовские отряды самообороны²⁶ получили распоряжения готовиться к большим беспорядкам. Грядущие события они не могли буквально предвидеть, но были готовы к ним.

Практически попыткой погрома можно назвать трагические и хаотичные события в воскресенье 23 октября. В обеденное время, около 12 часов, от церкви Святого Иоанна началось патриотическое монархическое шествие, в котором принимали участие главным образом рабочие Кузнецовской фабрики числом не более 100—150 человек (это можно назвать небольшим количеством). Они шли с портретами царя и иконами. Их действительно была «сотня» и, по мрачным настроениям того времени, «черная сотня», но не в том понимании, что они представляли какую-то организованную политическую черносотенную организацию

или партию; черносотенный «Союз русского народа» был образован позднее и официально зарегистрирован 7 августа 1906 г.; как во внутренней России, так и в Латвии, особенно в Латгалии²⁷, в нее входило большое количество старообрядцев. По правде говоря, в демократической латышской прессе, например в *“Baltijas Vēstnesis”* А. Берга, не говоря о социал-демократической газете *“Cīņa”* («Борьба»), употреблялось понятие «черная сотня» для обозначения реакционеров, и оно начало долгий путь по улицам предместий. Настроение шествия поначалу уже было довольно напряженным с готовностью дать отпор любому, кто выразит неприязнь; антисемитские настроения в толпе явно присутствовали, хотя неизвестно, было ли намерение с самого начала организовать погром; у участников шествия были ножи, а может быть, и револьверы (утверждения газеты *“Cīņa”*, что использовались топоры, следует рассматривать как выдумку). Хотя шествие и началось от православной церкви и, возможно, какой-то священник и призвал участников шествия поддержать царя и выступить против врагов монархии, неизвестны призывы нападать на евреев; нет никаких достоверных сведений о том, что к этому призывала полиция или другие представители власти. Газета *“Cīņa”* была единственной, кто упомянул имя полицейского — некоего Кошко, который призывал к погромам²⁸, но подтверждений этому нет. Почти с самого начала шествия начались стычки с теми, кто наблюдал за его прохождением: латышами, евреями и, может быть, также русскими, которые не поддерживали шествие. Те, кто нес царские портреты и иконы, потребовали снять шляпы перед «святынями», что совсем не хотели делать наблюдавшие, независимо от того, были они евреями или нет. В стычку ввязались по крайней мере три стороны: демонстранты-монархисты, среди которых были вооруженные люди, казаки, охранявшие шествие и пытавшиеся обеспечить порядок (нет никаких оснований утверждать, что они были враждебно настроены против евреев и однозначно были на стороне демонстрантов, хотя они им и симпатизировали), вооруженные патрули латышских и еврейских рабочих (среди латышских патрулей был новичок социал-демократ Феликс Циеленс, в будущем известный деятель ЛСДРП и министр иностранных дел независимой Латвии). Погибшие были уже во время стычки возле церкви, которую все же нельзя назвать попыткой погрома, — это была политическая стычка, в которой с этнической точки зрения латыши были так же хорошо представлены, как и евреи. Попытка погрома была предпринята позднее по пути следования шествия, когда к нему присоединились бродяги и представители низших слоев общества. Демонстранты буквально слонялись по многочисленным улицам предместья — Московской, Динабургской, Католической, Гоголя и др. (территория 1-го и 4-го полицейских участков), — становясь все более возбужденными и нападая уже на еврейские магазины, бросая камни в окна и задирая любого, чаще всего именно еврея, кто не снимал шляпу. Это молча сносили не только евреи, а камни летели и в направлении демонстрантов, не говоря уже о высказываниях. Когда к четырем часам пополудни толпа вернулась к месту недалеко от начала шествия и приблизилась к еврейскому приюту на Ярославской ул., 41/43, события приобрели опасный поворот и приближались к настоящему погрому.

Однако обитатели приюта в этот момент уже были не одни: скрытую позицию заняли члены еврейского патруля самообороны и десять вооруженных латышских социал-демократов под руководством Яниса Лагздыньша; в группе были также Феликс Циеленс и смелый школьник Янис Амантниекс (Янчик)²⁹. Во-

рвавшихся в приют встретил огонь его защитников; очень скоро стычка переросла из попытки погрома, т.е. нападения толпы на еврейский приют, что могло привести к погрому, не будь поддержки еврейских и латышских вооруженных патрулей, в вооруженное столкновение между царской полицией и казаками, явившимися к месту события, и еврейскими и латышскими революционерами. Столкновение более не носило этнический характер. Хотя попытка погрома уже была прекращена, небольшие стычки продолжались, и в одной из них на Московской ул. около шести часов вечера погиб еврей Янкель Поплак. На следующий день, 24 октября, в понедельник, еще продолжались внезапные столкновения в различных частях города, однако жертв уже не было, как и попыток погромов³⁰. Люди погибли только в трагическое воскресенье 23 октября, и потери были следующими: были убиты (застрелены) два еврея: упомянутый Янкель Поплак и 18-летний студент Залман Гуревич, который, возможно, защищал еврейский приют. Других жертв среди евреев не было, несмотря на распространяемые слухи о том, что в Риге на улицах лежат неопознанные трупы гражданских лиц и жертвы своевременно не похоронены на еврейском кладбище. Среди погибших было больше латышей — первым был член латышского рабочего патруля самообороны Янис Берзиньш, раненный в столкновении на Большой Горной ул. 22 октября и скончавшийся от ран. Это была единственная жертва 22 октября. 23 октября погибли Индрикс Екабсонс (застрелен), Карлис Волдемарс (заколот), Янис Крелиньш (забит камнями) — все трое были членами латышских боевых дружин — так назывались в то время латышские отряды самообороны; они защищали еврейский приют. Еще двое латышей — Вилгельм Йонатс и Крустиньш Берс погибли в схватке с монархической толпой на улице (Йонатс был заколот). Итак, количество погибших среди латышей было ш е с т ь — латыши были большинством среди погибших (количество раненых было более 30, среди которых только 11 были легко ранены; 15—16 были латыши), что говорит о том, что это не было погромом³¹. Погибли также т р о е русских (двое из них — Варфоломей Епифанов и Евстафий Кузьмин, по слухам, были старообрядцами, и коммунистическая литература называет их защитниками евреев и жертвами «черной сотни») ³². Тем не менее нет сведений о том, что в группе Лаздиньша, не говоря уже о еврейском патруле самообороны, находились русские. Представляется, что это были жертвы с другой стороны или погибшие участники монархического шествия.

Общее количество пострадавших был следующим: убиты или ранены 47 человек, самая большая этническая группа были латыши — 21 пострадавший, включая шесть убитых; погибли также три русских и два еврея. В газете “*Rīgas Avīze*” реакционера Ф. Вейнбергса, где не было нейтрального наблюдателя событий, надо ознакомиться со следующей оценкой: «...до сих пор столкновения происходили только с социалистами, среди которых было больше латышей, чем жидов... а когда в несомые ими [старообрядцами] портреты царя стали стрелять, они напали в стреляющих, не спрашивая тех, являются те христианами или жидами...»³³ Здесь следует возразить: у столкновений был несомненно национальный (антисемитский) характер, но он был не единственным; был явственно выражен и политический характер, наверное, у всех участников событий — монархических демонстрантов, латышских и еврейских дружин. Конечно, у представителей царской власти было огнестрельное оружие, и маловероятно, что кто-то стрелял... в портреты царя.

Вследствие трех причин: большой терпимости к евреям в Московском форштадте (первая причина), деятельности латышских и еврейских отрядов самообороны, которые не бросили евреев на произвол судьбы (вторая причина)³⁴ и главным образом царской администрации — своевременных и энергичных действий лифляндского генерал-губернатора Николая Звягинцева (третья причина), например уже 24 октября царский губернатор Звягинцев запретил «патриотические демонстрации с портретами царя и пением государственного гимна». Царь же не был свергнут и не отрекся! События 22—24 октября, к счастью, так и остались только попыткой погрома. Это было редким случаем в царской России, в крупном городе, где проживало большое число евреев. Осень 1905 г. была не только кульминацией революции в Латвии, но и вершиной сотрудничества евреев и латышей. Шведский консул в Риге Эйжен Берг писал 3 ноября 1905 г. в Стокгольм: «Возможно, что существующая классовая и расовая ненависть в городе может закончиться столкновениями между немцами и латышами, при этом латышей поддержат евреи»³⁵. «Расовые» стычки в Риге не произошли и вряд ли в какой-либо политической или национальной борьбе был этот призыв, хотя ненависть к немцам и была велика. Имеет основание и мнение консула о симпатиях евреев к латышам. Буквально в эти же дни произошли столкновения в Двинске между евреями и русскими монархистами — возможно, это была не попытка погрома, а чисто политические инциденты, во время которых погиб один еврейский революционер-боевик Арон Фельдман (в 1905 г. погибли и другие евреи, например бундовцы Абель Райх, Исаак Зив, Симон Беркал, Мордех Ниц, Абрам Полин — это были не жертвы погромов, а жертвы стычек с полицией и войсками³⁶. Вызывает огорчение, что редактируемая Вилисом Олавсом газета *“Balss”* («Голос»), оценивая настоящие и массовые погромы в России, была очень недоброжелательна к евреям: «Евреи сами большей частью виноваты в том, что своим поведением в последнее время вызывают народный гнев. Они навязчивы и бесстыдны, насильственны и кровожадны»³⁷. Латыши участвовали в — истинно народной революции — гораздо шире евреев, но разве можно их обвинить в осознанной кровожадности и оправдать дикость карательных операций?

С отступлением революции сошла на нет и волна погромов, однако это вовсе не означает, что исчез антисемитизм, но точно означает, что «еврейский вопрос» имел место только в России, идеологически Россия отставала от таких современных центров антисемитизма, как Вена — столица Австро-Венгрии, которая в начале XX в. в плане антисемитизма опережала Париж и Берлин. Об относительном отставании России в плане идеологического антисемитизма свидетельствует и то, что, когда летом 1903 г. первый раз в Петербурге были опубликованы фрагменты «Протоколов сионских мудрецов» и были многократно изданы во время революции, они не приобрели значимости в самой России, не говоря уже о Латвии. Представляется, что необходим краткий комментарий мнения популярного немецкого историка о том, что на востоке и частично на юго-востоке Европы формируется особо опасный вид антисемитизма, направленный на уничтожение евреев. Этот убийственный антисемитизм, который не оставлял евреям никакой надежды на спасение, простирался до Вены³⁸. Какими бы ни были кровавыми внезапные погромы в России, они не вели к полному уничтожению евреев — вряд ли такая идея могла бы появиться в России, ее еще не было и в Вене, когда в ней в 1908 г. появился Гитлер из Линца, но радикальный расистский антисемитизм в Вене был распространен больше, чем в России. По правде говоря,

реакционер Николай II не позволил премьер-министру П. Столыпину, последнему видному государственному деятелю царской России, отменить все ограничения и присвоение всех гражданских прав евреям, но и сам Николай II, не говоря о Столыпине, не верил в «Протоколы сионских мудрецов». Царь даже приказал изъять их. С самого выхода «Протоколов» негативную позицию в отношении их заняло и руководство Русской православной церкви³⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воспоминания руководящего деятеля ЛСДРП Вольдемара Скарге (Латв. нац. б-ка, леттоника, зап. отд., R/X 17, папка 1, инв. № 61.30.354).

² Евреи в Даугавпилсе. Даугавпилс, 1993. С. 78; *Barkovska G., Šteimanis J.* Daugavpils vēstures lapruses. Rēzekne, 2005. 32.—35. lpp.

³ Hoover Inst. Arch. XIII C (2) — XIII C (3), Box 154.

⁴ Сведения царской тайной полиции.

⁵ *Latvijas revolucionāro cīnītāju piemiņas grāmata.* R., 1976. 1. sēj. 1. d. 104. lpp.

⁶ Имеются в виду амбары в районе нынешнего Центрального рынка в Риге. — *Ред.*

⁷ Воспоминания Ф. Мендерса (Латвийский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. 3949, оп. 1, д. 1, л. 31). «Отцом» Бунда в Риге, наверное, был выходец из Белоруссии Янкель Эпштейн, который до прибытия в Ригу жил в Двинске, крупном бундовском центре; он основал в 1900 г. первый бундовский кружок в Риге, состоявший из жестянщиков; за ним последовали кружки сапожников, портных и шапочников, которые довольно точно отражали социальный состав Бунда, по крайней мере на начальном этапе его деятельности: не столько много рабочих, сколько ремесленников. После того как Эпштейн был призван на службу в армию, руководство организацией в Риге перешло в руки студента Рижского политехнического института Александра Цейтли-на, которому помогал Моисей Марголис (*Бухбиндер Н. А.* История еврейского рабочего движения в России. Л., 1925. С. 140—141). Следует обратить внимание на то, насколько различалось руководство ЛСДРП и Бунда: в руководстве ЛСДРП не было студентов или ремесленников; оно было социально и политически более серьезным и умеренным.

⁸ Донесение командира Рижского учебного унтер-офицерского батальона подполковника Александра начальнику Виленского военного округа от 14 января 1905 г. (ЛГИА, ф. 4568, оп. 1, д. 471, л. 5); Материалы охранки (Hoover Inst. Arch., X III C (2) — X III C (3), Box 154).

⁹ Там же.

¹⁰ *20. gadsimta Latvijas vēsture.* R., 2000. 1. [d.]: Latvija no gadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai, 1900.—1918. 339. lpp.

¹¹ *Latvijas revolucionāro cīnītāju piemiņas grāmata.* R., 1976. 1. sēj., 1. d. 104., 105., 107., 111. lpp.; *Fragments of the Jewish history of Riga.* Riga, 1991. P. 15.

¹² *The Jews in Latvia.* Tel-Aviv, 1971. P. 304—307.

¹³ Евреи в Даугавпилсе. С. 78; *Barkovska G., Šteimanis J.* Op. cit. 33. lpp; *Bogojavlenska S.* Ebreju Rīga. // *Katram bija sava Rīga: Daudznacionālās pilsētas portrets no 1857. līdz 1914. gadam.* R., 2005. 181.—182. lpp.

¹⁴ Hoover Inst. Arch. XIII C (2) — XIII C (3). Box 154. Отметим, что еврейские студенты были одними из наиболее активных в требовании автономии института, но их деятельность отнюдь не вызвала однозначной поддержки других студентов, даже наоборот: более консервативно или просто умеренно настроенные студенты, независимо от национальности, подчас были недовольны их активностью (там же).

¹⁵ *20. gadsimta Latvijas vēsture.* 1. [d.] 349. lpp.; *Bogojavlenska. S.* Op. cit. 180. lpp. Л. Лапа отмечает: «Нет точной информации о боевиках еврейской национальности, которые по заданию Бунда участвовали в этой операции» (1905. *gads Latvijā.* R., 2006. 400. lpp.).

¹⁶ Донесение Лифляндского губернского жандармского управления о нападении 7 сентября 1905 г. (Музей «Евреи в Латвии» (далее — МЕЛ), D III, 2935).

- ¹⁷ Воспоминания Ф. Мендерса, д. 15, л. 40—41.
- ¹⁸ 20. gadsimta Latvijas vēsture. 1. [d.] 343. lpp; *Apine I. Domas par 1905. gadu* // Kultūras Domas. 2005. 2. aug. 13. lpp.
- ¹⁹ Ко всем жителям Двинска: Листовка Двинского комитета Бунда (МЕЛ, D III, 2972).
- ²⁰ *Bogojavlenska S.* Op. cit. 180. lpp.; Евреи в Даугавпилсе. С. 81.
- ²¹ Листовка ЛСДРП и Бунда (Федеративного комитета) от 24 октября 1905 г. (МЕЛ, D III 2973). Листовка была отпечатана в типографии ЛСДРП большим тиражом — 10 000 экземпляров. Можно сделать вывод, что мнение социал-демократов о происходящем стало широко известно.
- ²² Член Федеративного комитета А. Петревиц в своих написанных в 1920 г. воспоминаниях придерживался мнения, что именно царская полиция организовала толпу, которая якобы состояла из подонков общества, раздала даже огнестрельное оружие и попыталась развязать погром, который предотвратила ЛСДРП. Здесь, как мы видим, речь идет о попытке погрома, а не о погроме (Латв. нац. б-ка, леттоника, зап. отд., R X/17, папка 1, Инв. № 61—30 340, с. 16).
- ²³ Vai melnās sotņas darbi vai nejaūšas sadursmes // *Baltijas Vēstnesis*. 1905. 24. okt.
- ²⁴ В коммунистической литературе с 20-х гг. подчеркивалось, что это был настоящий погром — в отличие от более точного обозначения социал-демократов: попытка погрома, — который организовали «реакция», «черная сотня» и полиция (Latvijas revolucionāro cīnītāju piemiņas grāmata. 1. sēj. 1. d. 161. lpp.).
- ²⁵ Hoover Inst. Archs. X III C (2) — XIII C (3, Box 154).
- ²⁶ В то время их называли следующим образом: «патрули жидовской самоохраны» (см.: *Židu vajāšana Rīgā* // *Dienas Lapa*. 1905. 26. okt.); «патрули рабочей самоохраны», или «рабочая милиция».
- ²⁷ Латгалия (латыш. *Latgale*) — Восточная Латвия — историко-культурная область Латвии, до 1917 г. входившая в состав Витебской губернии; ее населению присущи некоторые этнографические и лингвистические особенности. — *Ред.*
- ²⁸ *Melnā sotņa Rīgā* // *Cīņa*. 1905. 8. nov.
- ²⁹ Латв. нац. б-ка, зап. отд., депозит К. Лоренца.
- ³⁰ *Dienas Lapa*. 1905. 26. okt.
- ³¹ Число раненых точно не составляло несколько сотен (см.: *Bogojavlenska S.* Op. cit. 181. lpp.), сотни раненых могли вызвать только столкновения с тысячами участников — как это было в действительности 13 января; 22—24 октября в столкновениях всего участвовало хорошо если несколько сотен, и число раненых, разумеется, составило только десятки. Нет также свидетельств в пользу мнения (см.: *Fragments of the Jewish history*. P. 16), что лифляндский губернатор якобы скрыл число убитых. Губернатор совершенно откровенно назвал довольно близкое к истине количество жертв 23 октября: 7 погибших и 30 раненых (*Paziņojums no Vidzemes gubernatora* // *Rīgas Avīze*. 1905. 25. okt.).
- ³² *Latvijas revolucionāro cīnītāju piemiņas grāmata*. 1. sēj., 1. d. 162. lpp. См. также первую академическую публикацию об упомянутых событиях: *Lapa L.* *Notikumi Rīgas pilsētas Maskavas priekšpilsētā 1905. gada 22.—24. oktobrī* // *Latv. vēst. inst. žurn.* 2005. Nr. 4.
- ³³ *Židu sišanas lietā* // *Rīgas Avīze*. 1905. 25. okt.
- ³⁴ «Рижские рабочие были достаточно организованны и сознательны, чтобы не допустить такого позорного пятна, как еврейские погромы в городе, в котором у них было столь большое влияние» (*Petrevis A.* Op. cit. 16. lpp.). Демократическая газета “*Dienas Lapa*” («Ежедневный листок») назвала нападения на евреев «делом, постыдным для нашего города», и призвала рижан «всеми силами и средствами защищать жизнь своих ближних» (*Notikumi Maskavas priekšpilsētā* // *Dienas Lapa*. 1905. 24. okt.). Поистине приятно читать, что евреи названы просто и возвышенно: «наши ближние».
- ³⁵ *Kangeris K.* *Zviedrijas Karaliste un 1905. gada “latviešu revolūcija”* // *Latvijas Vēsture*. 2005. Nr. 4. 95. lpp.
- ³⁶ Евреи в Даугавпилсе. Даугавпилс, 2001. Кн. 3. С. 17; *Latvijas revolucionāro cīnītāju piemiņas grāmata*. 1. sēj. 1. d. 148.—149. lpp.
- ³⁷ *Židu sišana* // *Balss*. 1905. 25. okt.
- ³⁸ *Haffner S.* *The meaning of Hitler*. L., 2001. P. 9.
- ³⁹ *Судаков С.* Парадоксы и причины филосемитизма и антисемитизма в России. М., 2000. С. 490—492.